"Я думала, она будет счастлива увидеть семью. В конце концов, вы сказали мне, что ее родители умерли всего несколько месяцев назад. Я не понимаю, твои родители были очень милы, когда ты представила меня им и сказала, что планируешь на мне жениться", - сказала Вероника, пытаясь понять мотивы Петунии.

"Это долгая история. Пойдем, я расскажу тебе ее внутри".

Как раз когда стало интересно! Наблюдая за тем, как они входят в дом, МакГонагалл заметила, что окно на кухне приоткрыто. Прокравшись под окно, она прислушалась. Ей было очень любопытно узнать, что происходит, ведь Лили никогда не рассказывала о своей семье, кроме родителей - даже о сестре она упоминала лишь вскользь из-за растущего разлада между ними.

"Так в чем же ее проблема?" спросила Вероника, явно жена мистера Эванса.

"Если честно, я тоже не знаю всех подробностей. Каким-то образом Лили приняли в какую-то эксклюзивную школу-интернат в одиннадцать лет, и какой бы ни была эта школа, родители стали ее всячески восхвалять, а Петунию игнорировать. Стоит ли говорить, что Петуния восприняла это не очень хорошо и покинула родительский дом, как только закончила школу".

"Похоже, у них была не очень дружная семья, и все развалилось", - заметила Вероника.

Томас фыркнул. "Преуменьшение года. Петуния уехала, ненавидя их всех, а Лили была очень недовольна отношением родителей и тоже уехала, как только закончила школу. До сегодняшнего дня я ни о ком из них не слышала. Лили словно исчезла с лица планеты, как будто ее никогда и не было".

"А почему Петуния была готова оторвать тебе голову?" - спросила его жена.

"Она не может "простить" мне мой "грех", когда я сказал ей, что Лили вряд ли виновата в том, что их родители были несправедливы, играя в любимчиков. Я действительно не хочу больше говорить о ней..."

Наслушавшись вдоволь, МакГонагалл быстро ушла и направилась в парк, расположенный на некотором расстоянии, где она могла незаметно трансформироваться между деревьями. Присев на ближайшую скамейку, она попыталась собраться с мыслями.

Ей по-прежнему казалось, что план Дамблдора - это полная глупость, но теперь открывалась удивительная альтернатива. Никто из них никогда не интересовался, что еще есть в семье Эванс, поэтому тот факт, что у Лили есть кузен - а именно Томас Эванс, - оказался немного неожиданным. Этот родственник был более дальним, чем Петуния, но магия все равно могла принять его. Из того немногого, что она успела увидеть, эта пара выглядела очень многообещающе.

Однако она не стала повторять ошибку Дамблдора. Этих людей нужно было лично навестить, чтобы понять, можно ли доверить им столь важное дело. Это также успокоило бы Сириуса, который очень резко высказался о планах Дамблдора с тех пор, как директор рассказал о них. Оставалось надеяться, что это поможет разрядить назревающую ситуацию.

Еще раз убедившись, что она одна, она аппарировала в Хогсмид - привычка позволяла ей легко преодолевать такие большие расстояния.

o

Я никогда не замечала, каким жутким кажется замок, когда никого нет рядом, думала МакГонагалл, шагая по пустым коридорам Хогвартса в сторону медицинского крыла.

Из-за того, что студенты разошлись по своим общежитиям, а занятия на время были приостановлены, замок казался практически безжизненным. Единственным звуком, который она слышала, были ее шаги по каменному полу. Конечно, так было и летом, но осознание того, что сотни студентов находятся всего в нескольких шагах от нее, но их никто не видит, делало это таким странным.

Наконец добравшись до места назначения, она вошла внутрь и увидела мадам Помфри, наблюдающую за юным Гарри, который, сидя на одеяле, был занят складыванием разноцветных деревянных блоков. Мальчик совершенно не обращал внимания на нового человека в комнате, будучи полностью занятым своим - для него - увлекательным делом.

"Ну, Поппи, как поживает твой юный пациент?" - спросила Помфри, испытывая облегчение от того, что Гарри был таким активным после того, как мальчик проспал больше суток.

"О, он очень хорошо себя ведет. Я бы хотела, чтобы некоторые из моих обычных пациентов вели себя так же хорошо. Вы даже не узнаете, что всего два дня назад его пытался убить сумасшедший", - удивленно сказала Помфри.

"А как же...?" МакГонагалл не пришлось заканчивать фразу.

"Как видите, ничто не помогло избавиться от шрама на его лбу. Я знаю, что это было сделано самой темной магией, которую только можно себе представить, но у меня нет никаких рамок, с которыми я могла бы работать, поскольку никто до этого не выживал после Убийственного проклятия. Это загадка, - призналась Помфри.

Шрам в виде молнии на лбу Гарри стал вызывать беспокойство, когда выяснилось, что даже директор не в состоянии определить, какая темная магия могла его вызвать. Сириуса особенно беспокоило, что он может означать. К счастью, чем бы ни был этот шрам, он, похоже, ничуть не беспокоил Гарри.

"По крайней мере, в остальном юный Гарри, похоже, здоров". Затем она огляделась по сторонам. "Где Сириус?" Ведь именно он следил за Гарри, как ястреб, в течение двух предыдущих дней.

"О, он ушел почти полчаса назад. Его друг мистер Люпин сказал ему что-то такое, что заставило его захотеть перекинуться парой слов с директором", - сказала Помфри, явно не желая в данный момент находиться рядом с кабинетом директора.

"Понятно". Она надеялась, что реакция Сириуса на план Дамблдора не станет бурной.

Выйдя из медицинского крыла, она не сразу дошла до горгульи, охранявшей движущуюся лестницу, ведущую в кабинет директора. К своему удивлению, она кого-то увидела, хотя этого человека уже не было в живых.

"Сэр Николас, случилось ли что-то интересное, что вы стоите здесь?" - спросила она, заметив, что горгулья сейчас не на своем месте, а путь к лестнице свободен.

"А, профессор", - поприветствовал ее призрак дома Гриффиндор. "Ну, это было в основном ради развлечения. Юный мистер Блэк оказался весьма бойким в общении с директором, и я впечатлен тем, как творчески он использовал свои слова".

МакГонагалл надеялась, что Сириус не зашел слишком далеко. "Что-нибудь, о чем мне следует знать?"

"О, Блэк намекнул, что увлечение Аберфорта козами, должно быть, передалось ему, иначе он не смог бы объяснить идеи директора. К сожалению, тогда же появился мистер Люпин и сумел заставить своего друга стать более вежливым". Ник выглядел разочарованным тем, что его бесплатное развлечение закончилось.

Она молча поблагодарила Ремуса Люпина за то, что он сумел успокоить Сириуса. "Что ж, посмотрим, цел ли Альбус. Ты проследи, чтобы никто не покидал Гриффиндорскую башню, я знаю своих львов".

"Да, я слишком хорошо знаю, что они воспримут это как вызов". В голосе сэра Николаса звучала покорность, пока он улетал.

Войдя в кабинет директора, МакГонагалл была встречена тревожным спокойствием.

Дамблдор старался выглядеть невозмутимым, сидя за своим столом, но было совершенно очевидно, что злобные словесные нападки Сириуса не прошли для него бесследно. Сириус выглядел так, словно ему приходилось бороться за то, чтобы оставаться вежливым: одна только мысль о том, чтобы отправить своего любимого крестника к Петунии, явно расстроила его. Ремус Люпин выглядел усталым, явно измотанным от того, что ему приходилось заставлять

Сириуса сохранять мир.

Его феникс Фоукс, сидевший рядом со столом директора, внимательно следил за происходящим. МакГонагалл знала птицу уже много лет, но до сих пор не знала, как именно связаны Альбус и Фоукс. Временами птица проявляла острый ум.

Портреты директоров прошлых лет старались не подавать виду, что обращают на них внимание, за одним исключением.

Портрет Финеаса Нигеллуса Блэка - самого ненавистного директора за всю историю Хогвартса и предка Сириуса - выглядел крайне оскорбленным. Минерва знала, что портрет этого человека, как и живой Финеас, легко испытывает неприязнь к людям, но присутствие Сириуса должно было быть особенно невыносимым, учитывая, как сильно он отвергал все, за что выступал Дом Блэков.

"Ах, Минерва, ты рано вернулась. Я все еще пытался заставить Сириуса взглянуть на это с моей точки зрения", - заметил Дамблдор, но его прервал фырканье Сириуса.

"И у тебя ничего не получается. Я скажу тебе в последний раз: если ты будешь настаивать на своей причудливой идее отправить Гарри к Петунии, чтобы вызвать магию крови, то я воспользуюсь своими законными правами крестного отца, и ты больше никогда его не увидишь".

"Сириус, пожалуйста", - умолял Ремус своего друга. "Ты же знаешь, что я на твоей стороне. Этого никогда не случится, как бы ни настаивал директор".

Сириусу потребовалось несколько мгновений. Хотя Ремус почти сразу же простил его за то, что он заподозрил, что предателем может быть Питер, Сириус все еще чувствовал себя виноватым за то, что сомневался в своем друге. Успокоившись, он посмотрел на Дамблдора. "Тем не менее, твой план ужасен. Неужели ты настолько привык видеть общую картину, что перестал понимать, что на самом деле нужно другим? Что толку тогда от этой большой картины?"

Дамблдор ничего не ответил, видимо, эти слова застали его врасплох.

http://tl.rulate.ru/book/104708/3664632